

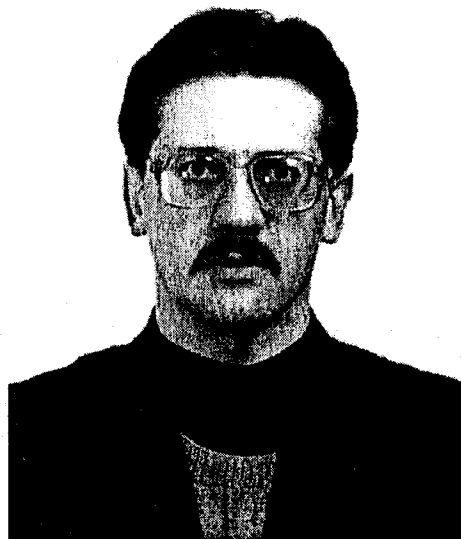
Зарплата российского профессора в прошлом, настоящем и... будущем

Думается, мы не отступим далеко от истины, если скажем, что одной из наиболее актуальных и наболевших проблем высшей школы в современной России является проблема заработной платы профессорско-преподавательского состава. После повышения размера надбавок за ученую степень (доктор наук с 1 января 2003 г. получает 1500 р., кандидат — 900 р.) правительство обещает в рамках общей реформы системы оплаты труда работников бюджетной сферы с 1 октября 2003 г. несколько увеличить должностные оклады ППС. О том, в каких цифрах должно выразиться это повышение, поговорим ниже, теперь же хотелось бы обратиться к истории вопроса.

Наиболее адекватным для этого методом нам представляется сравнительно-исторический, хотя сами по себе данные о зарплате вузовских преподавателей в разные исторические периоды мало что говорят. Чтобы выявить реальный уровень обеспечиваемого той или иной зарплатой благосостояния, следует, с одной стороны, проанализировать синхронный уровень цен на товары и услуги, а с другой, — сравнить заработную плату работников разных профессий. В ходе дальнейшего изложения ограничусь лишь ценами на продукты питания, с тем чтобы выяснить, чего и сколько мог приобрести на свое жалование российский профессор в разные периоды отечественной истории и каким оказывался уровень этого самого жалования по сравнению с зарплатой индустриального рабочего.

***

Первым высшим учебным заведением в России, как известно, стал университет при Санкт-Петербургской академии наук, члены которой по регламентам 1725 и 1747 гг. были обязаны читать публичные лекции. В 1730-1740-х гг. размер оклада академических профессоров варьировал в диапазоне от 500 до 1800 р. в год (в зависимости от личной известности и влияния), а собственно

жалование профессора составляло 660 р. [1]. Но много это или мало?

Рабочие столичных предприятий (ученики и мастеровые казенных и частных мануфактур) зарабатывали в это время от 12 до 45 р. в год, в среднем же — около 30 р. [2]. Таким образом, профессорское жалование превосходило зарплату рабочего в 22 раза. А если для сравнения обратиться к офицерскому корпусу, то профессорское жалование более чем вдвое превосходило полковничье, не говоря уже об унтер-офицерском (профессор получал в 30 раз больше армейского подпрапорщика).

Так что же мог купить профессор на свои 55 р. в месяц в Санкт-Петербурге, бывшем тогда одним из самых «дорогих» городов страны? (При анализе следует учитывать специфические по сравнению с сегодняшним днем ценовые соотношения: мука тогда стоила дороже, мясо и рыба дешевле, колониальные товары, в том числе и сахар, были очень дороги, и т.д.; при этом и цены, и соотношения между ними постоянно менялись.) Итак, на свою месячную зарплату профессор мог купить (или — или): 3337 кг ржаной муки; 2252 кг пшеничной; 693 кг коровьего масла и 1126 кг конопляного; 1126 кг говядины; 751 кг свинины или ветчины; 2252-4505 кг сельди; 1502 кг судака или щуки; 751 кг лосося; 563 кг осетрины; 450 кг семги; от 450 до 751 кг черной икры; 113 кг сахара; 60 кг кофе. Рабочий же на свои 2,5 р. в месяц мог позволить себе (или — или): 152 кг ржаной муки; 102 кг пшеничной; 31

кг коровьего или 51 кг конопляного масла; 51 кг говядины; 34 кг свинины; 102-205 кг сельди; 68 кг судака или щуки; 34 кг лосося; 26 кг осетрины; 20 кг семги; от 20 до 34 кг черной икры; 5 кг сахара; 2,7 кг кофе. Рабочим, как видим, жить было хотя и не очень легко, но все-таки терпимо; что же касается профессора, то он мог купить не только в 22 раза больше, чем рабочий, но и самого рабочего (по Табели о рангах профессорская должность находилась в IX классе и сообщала ее обладателю личное дворянство, а личные дворяне до 1758-1760 гг. могли приобретать недвижимые имения, т.е. землю и крепостных [3]). «Душа» мужского пола в рассматриваемый период стоила в среднем 20-30 р., поэтому профессор, при желании, мог на свое жалование покупать пару душ ежемесячно.

Конечно, душевладение для современности — историческая экзотика, а потому обратимся к эпохам, менее от нас отдаленным.

По университетскому уставу 1804 г. профессор получал жалование в 2000 р. (ассигнациями) в год, за исполнение обязанностей декана платили еще 300 р. В Санкт-Петербургском педагогическом институте по штату 1804 г. профессор получал 2000 р. жалования и 500 р. квартирных. Для сравнения: по штату 1803 г. в Академии наук ординарный академик получал жалования 2200 р., прослужившим более 20 лет выплачивалась прибавка в 500 р. Академик, таким образом, получал примерно столько же, сколько и университетский профессор (для примера: сегодня действительный член РАН только за свое звание получает 20 тыс. р., в то время как профессорская зарплата в 4 с лишним раза меньше). Еще интереснее то, что объем учебной нагрузки в университетском уставе вообще не был определен. Представление о том, какой она могла быть, дает устав Педагогического института: здесь профессора читали лекции, в зависимости от преподаваемых дисциплин, по 3-4 ч (астрономических) в неделю. В то же время рабочие в Санкт-Петербурге, трудившиеся в неделю в среднем по 60-70 ч, зарабатывали от 36 до 168 р. в год (в среднем — 80 р. [4]), т.е. работали в 15-20 раз больше, а получали в 25-30 раз меньше профессоров (очевидно, умственный труд ценился тогда несколько выше, чем сегодня).

Цены в первые годы XIX в. в Санкт-Петербурге были такими: пуд ржаной муки стоил 79-98 коп.

(ассигнациями); муки пшеничной сеяной — от 2 р. 40 коп. до 2 р. 80 коп.; крупы гречневой — 1 р. 10 коп.; риса — 3 р. 20 коп.; мяса — от 4 р. до 4 р. 40 коп.; масла коровьего — 13 р.; сахара — 18-19 р.; кофе — 20-26 р. [5]. Соответственно, профессор Педагогического института, получавший за свои 12 лекционных часов в месяц 208 р., мог купить (или — или): 3477-4313 кг ржаной муки; 1217-1420 кг пшеничной сеяной; 3097 кг гречневой крупы; 1065 кг риса; 774-852 кг мяса; 262 кг масла коровьего; 179-189 кг сахара; 131-170 кг кофе. В свою очередь рабочий на 6 р. 67 коп. в месяц мог приобрести (или — или): 111-138 кг ржаной муки; 39-46 кг сеяной пшеничной; 99 кг гречневой крупы; 34 кг риса; 25-27 кг мяса; 8 кг коровьего масла; 6 кг сахара; 4-5 кг кофе.

В эпоху правления Николая I университетские вольности были несколько урезаны, а обязанности профессорско-преподавательского состава, наоборот, расширены. Статья 86 нового университетского устава 1835 г. гласила: «Профессор обязан преподавать предмет свой не менее 8 часов в неделю» [6]. Таким образом, объем учебной нагрузки вырос в два раза; однако это повышение компенсировалось за счет как увеличения жалования, так и предоставления различных льгот и привилегий.

В том же 1835 г. был издан указ «О расписании должностей гражданской службы по классам от XIV до V класса включительно» [7], в соответствии с которым должность ординарного профессора была отнесена к VII классу. Иными словами, профессор получал чин надворного советника и потомственное дворянство (экстраординарные профессора и адъюнкты становились коллежскими советниками и тоже получали потомственное дворянство).

В университетском уставе 1835 г. весьма подробно излагались и нормы пенсионного обеспечения профессорско-преподавательского состава. В частности, указывалось, что ординарным и экстраординарным профессорам, адъюнктам и лекторам «за двадцать пять лет беспорочной и усердной службы, обращается в пенсию, при увольнении их, полный оклад их жалования. Заслуженные профессора, при занятии вновь кафедры или при вступлении в другой род службы, сохраняют пенсию, сверх оклада жалования по занимаемой ими должности» [8].

Если университетский преподаватель, проработав 10 лет, вынужден был уйти со службы по причине неизлечимой (препятствующей ис-

полнению профессиональных обязанностей) болезни, ему выплачивалась пожизненная пенсия в размере 1/2 оклада; если он увольнялся по болезни, имея 15-летний стаж, — в размере 3/4 оклада; если же стаж достигал 20 лет, пенсия выплачивалась в размере оклада. В случае смерти пенсионера государство брало на себя обеспечение его семьи: «Если Профессор, Адъюнкт или Лектор, уволенный с пенсией, оставит вдову и детей, в таком случае семейство его пользуется одинаковою пенсией со вдовою и детьми умершего на службе Профессора, Адъюнкта или Лектора, смотря по числу лет оной» [9]. Дело в том, что если преподаватель умирал на службе, прослужив (отработав) менее 5 лет, его вдова и дети получали «единовременно по окладу годового жалования покойного, той и другим особо» [10]. Если покойный отслужил от 5 до 15 лет, то, кроме данной единовременной выдачи, вдове и детям назначалась пенсия в размере 1/5 его оклада, если 20 лет — 1/4 оклада.

Выплата пенсии прекращалась в трех случаях: если уволенный по неизлечимой болезни поступал на службу, если вдова вступала в новый брак, и «детям, когда последнему в семействе исполнится двадцать один год, или когда и прежде того времени дочери вступят в замужество, а сыновья будут определены в учебные заведения на казенное содержание или в службу» [11]. Впрочем, нас больше интересует не пенсия, а зарплата.

Так вот, по штату 1835 г. ординарные профессора столичных университетов получали 5000 р. жалования и 500 р. квартирных (за исполнение обязанностей декана выплачивалось еще 500 р.); в провинциальных университетах оклад был на 1000 р. меньше. Интересно сравнить эти цифры с цифрами окладов жалования других категорий работников сферы народного образования. В том же университете, где ординарный профессор получал 5500 р., ректору полагалось 6500 р., т.е. на 1000 р. больше; с другой стороны, экстраординарный профессор получал 3500 р. плюс 400 р. квартирных; адъюнкт — 2500 р. плюс 300 р. квартирных; лектор — 1800 р.; библиотекарю платили 2500 р., бухгалтеру — 1500 р., механику и врачу при студенческой больнице — по 700 р., канцелярским служителям — от 250 до 600 р. (в зависимости от категории). Таким образом, профессор получал в 2,2 раза больше, чем

заведующий библиотекой, в 3,7 раза больше, чем бухгалтер, в 7,6 раза больше, чем студенческий врач, и в 22 раза больше, чем начинающий работник университетской канцелярии.

Административные работники вообще получали меньше преподавателей: по штату учебных округов 1835 г. в столичных учебных округах Санкт-Петербургском и Московском (вся империя делилась тогда на 8 учебных округов) инспектор казенных училищ получал 3000 р., правитель канцелярии попечителя — 2500 р., столоначальник — 1500 р., помощник столоначальника — 1000 р. [12]. С другой стороны, и ученые не получали больше преподавателей: по штату императорской Санкт-Петербургской академии наук, жалование академика составляло 5000 р. (прослуживший более 20 лет получал на 1000 р. больше), адъюнкта — 2500 р. (со степенью экстраординарного академика — на 1000 р. больше) [13]. Таким образом, ординарный профессор получал больше, чем ординарный академик (за счет квартирных), и даже самому заслуженному академику платили ровно столько же, сколько университетскому декану. Наконец, в гимназиях по штату 1828 г. оклады старших учителей составляли от 1375 до 2250 р., в зависимости от места работы (губернии делились на три разряда, а столицы выделялись особо), в уездных училищах (начальных школах) учителям наук (предметникам) платили от 625 до 900 р.

Вообще диапазон преподавательских окладов был очень широк: низшая ставка (учитель уездного училища в губерниях второго и третьего разряда) равнялась 200 р., а высшая (профессор столичного университета, исполняющий обязанности декана) — 6000: таким образом, преподаватель высшей (из возможных) квалификации получал в 30 раз больше, чем преподаватель низшей.

Что же мог купить столичный профессор на свою месячную зарплату в 458 р.? Здесь, кстати, надо заметить, что увеличение размеров жалования по штату 1835 г. (по сравнению с штатом 1804 г.) представляло по сути индексацию: дело в том, что курс ассигнационного рубля за это время снизился с 77 до 27,4 коп. серебром (в 1814–1815 гг. ассигнационный рубль равнялся даже 20 коп. серебром) [14]. Соответственно росли и цены: так, на московском рынке (а московские цены были существенно ниже петербургских) в январе 1837 г. пуд ржаной муки продавался в среднем за 75 коп., гречневой крупы — за 94 коп., свежего мяса — за 4 р. 80 коп.,

соленого — за 5 р. 20 коп., масла коровьего — за 12 р. 95 коп. [15]; пуд кофе (в 1833 г.) стоил 54 р. [16.] Соответственно, профессор Московского университета мог купить (или — или): 10 003 кг ржаной муки; 7981 кг гречневой крупы; 1563 кг свежего мяса; 1443 кг соленого; 579 кг коровьего масла; 139 кг кофе.

Что же касается индустриальных рабочих средней квалификации, то их заработок за это время практически не изменился (старший мастерской второго разряда получал 120-130 р. в год., младший — 72 р.) [17].

Чтобы все время не анализировать лишь столичные зарплаты и цены, обратимся к данным по одному из важнейших промышленных центров империи — Уралу. На уральских частных заводах в середине 30-х гг. подмастерья получали от 50 до 115 р., т.е. в среднем 80 р. в год или 6 р. 67 коп. в месяц.

В Челябинске в 1835 г. пуд ржаной муки продавался за 1 р. 04 коп., пуд гречневой крупы стоил 1 р. 86 коп., сотня огурцов — 4 р. 25 коп. (здесь и далее — среднегодовая цена), сотня кочанов капусты — 5 р. 50 коп., сотня яиц — 1 р. 65 коп., пуд говядины — 3 р. 25 коп., солонины — 3 р., мелкой рыбы — 3 р. 50 коп., коровьего масла — 9 р., конопляного — 14 р., меда — 22 р.; пара кожаных сапог стоила 3 р. 75 коп., суконный кафтан — 12 р., шапка — 2 р. [18]. Соответственно, на свой месячный заработок уральский рабочий мог купить (или — или): 105 кг ржаной муки; 59 кг гречневой крупы; 157 шт. огурцов; 121 кочан капусты; 404 яйца; 34 кг говядины; 36 кг солонины; 31 кг рыбы; 12 кг коровьего масла; 8 кг конопляного; 5 кг меда. Месячного заработка примерно хватало и на то, чтобы купить три шапки или две пары сапог, а цена кафтана равнялась двухмесячной зарплате.

По сравнению с челябинским рабочим московский профессор мог позволить себе гораздо больше: ржаной муки — в 95 раз; гречневой крупы — в 135; говядины — в 46; солонины — в 40; масла коровьего — в 48 раз. Вот таким было соотношение зарплат, цен, материального благосостояния и социального статуса этих работников.

В дальнейшем, правда, подобный разрыв постепенно сокращается. По штату 1863 г. ординарный профессор университета уже получал (вместе с квартирными и столовыми добавками) 3000 р. в год [19], т.е. 250 р. в месяц, а квалифицированные рабочие в то же время зарабатывали по 15-20 р. в месяц [20]. Что же касается цен на московском рынке, то они были такими: пуд ржаной муки стоил 77 коп.; гречневой крупы — 1 р. 07 коп.; хлеба — 56

коп.; мяса — 2 р. [21]. Профессор, соответственно, на месячную зарплату мог купить (или — или): 5319 кг ржаной муки; 3827 кг гречневой крупы; 7313 кг хлеба; 2049 кг мяса; а зарабатывавший 20 р. в месяц рабочий — 425 кг ржаной муки; 306 кг гречневой крупы; 585 кг хлеба; 164 кг мяса.

По университетскому уставу 1884 г. штатное содержание профессорско-преподавательского состава осталось прежним: ординарный профессор — 3000 р. в год.; экстраординарный — 2000, надбавка за исполнение должности декана — 600 р., ректора — 1500 р. В то же время была введена дополнительная гонорарная система оплаты — по 1 р. за недельный час (из средств, вносимых студентами за право сдавать тот или иной курс), размер которой зависел в основном от количества студентов и на практике чаще всего не превышал 300 р. в год (хотя некоторые профессора юридического факультета могли зарабатывать и до 12 тыс.) [22]. Соответственно, в среднем профессорская зарплата составляла 3300 р. в год, или 275 р. в месяц. Для сравнения: армейский полковник, командир полка, получал в это время 3711 р. [23] — лишь ненамного больше (зато на пенсию офицеры уходили по выслуге 35 лет, а вузовские преподаватели — 25, причем профессор мог занимать кафедру и после выхода на пенсию, получая таким образом двойной оклад).

Размер среднего годового заработка рабочих по всей империи на 1890 г. составлял 187 р. 60 коп. (минимум — 88 р. 54 коп., максимум — 606 р.); в Санкт-Петербургской губернии — 232 р., в Московской — 167 р. [24].

Таким образом, московский профессор получал в это время в 20 раз больше московского рабочего. Теперь посмотрим, что могли купить тот и другой на свою зарплату.

В 1890 г. в Москве розничные цены были несколько выше оптовых, но и зарплата тоже могла быть выше, поэтому в данном случае можно игнорировать разницу между оптовыми и розничными ценами, тем более, что здесь приведены цены на самые дорогие сорта того или иного продукта. Итак, мука ржаная продавалась по 90 коп. за пуд, мука пшеничная — по 2 р. 03 коп.; пшено стоило 1 р. 16 коп., крупа гречневая — 1 р. 33 коп., масло подсолнечное — 4 р. 58 коп., масло коровье (в зависимости от сорта) — от 7 р. (подсырное) до 14 р. 10 коп. (из гретых сливок), свежее сливочное 1-го сорта — 13 р.; сыр — в зависимости от сорта — от 3 р. 75 коп. (зеленый) до 7 р. 75 коп. (швейцарский), голланд-

ский — 6 р. 25 коп.; говядина — 3 р. 66 коп. за пуд; телятина — 6 р. 80 коп.; баранина — 3 р. 20 коп.; свинина — 4 р. 45 коп.; яйца — 24 р. 58 коп. за 1000 шт.; сахар-песок — 4 р. 80 коп. за пуд; сахар-рафинад — 5 р. 76 коп.; кофе цейлонский — 22 р. 80 коп.; чай черный байховый китайский — 63 р. 20 коп. [25].

В последующие десятилетия как цены, так и зарплаты стали довольно быстро расти. Так, в 1912 г. на оптовом рынке Москвы гречневая крупа продавалась по 1 р. 40 коп. за пуд, пшено стоило 1 р. 60 коп., мука ржаная — 1 р. 44 коп., мука пшеничная — 2 р. 60 коп., говядина — 5 р. 85 коп., свинина — 7 р. 31 коп., масло свежее вологодское из гретьх сливок — 17 р. 83 коп., масло подсолнечное — 5 р. 05 коп., яйца — 29 р. 50 коп. за 1000 шт., чай цветочный — 120 р. за пуд [26]. В том же 1912 г. средняя зарплата рабочих в империи за год по разным отраслям варьировала от 156 до 400 р., составляя в среднем 255 р., а в Московской губернии в 1913 г. — 252 р. 79 коп. [27].

Что касается вузовских преподавателей, то их жалование росло медленнее: университетский устав и штаты 1884 г. до 1917 г. оставались неизменными (правда, в 1902 и 1913 гг. преподаватели получили прибавки). В проектах нового общеуниверситетского устава фигурировали цифра окладов в 4500 р. для ординарного профессора и 3000 — для экстраординарного [28]. Но до принятия нового устава дело так и не дошло, однако во вновь учреждаемых вузах того времени штатные оклады выглядели именно так. Например, по штату учрежденного в 1912 г. Воронежского сельскохозяйственного института профессорский оклад равнялся 4500 р. (3000 р. — жалование и по 750 р. — столовые и квартирные), адъюнкт-профессора получали 3000 р., штатные преподаватели — 2100 р., старшие ассистенты и лаборанты — 1500, младшие ассистенты и лаборанты — 1200 р. [29].

Что же можно было купить на эти деньги в Воронеже? В 1910 г. в розничной продаже картофель стоил 13 коп. за пуд, говядина — 4 р. 50 коп., баранина — 4 р. 15 коп., свинина — 4 р. 95 коп., сало свиное — 8 р. 05 коп., масло сливочное — 17 р.; лошадь здесь продавалась за 73 р., вол стоил 92 р., дойная корова — 61 р., свинья — 22 р., овца — 7 р. 80 коп. [30]. Если (с некоторой натяжкой) экстраполировать цены 1910 г. на 1912 г., окажется, что в Российской империи накануне Первой мировой войны зарплата лаборанта в вузе превосходила среднюю зарплату индустриального рабочего в 4,7 раза. Что же касается профессуры, то интересно

посмотреть на весь дореволюционный период существования высшей школы в России: в 30-40-е гг. XVIII в. зарплата профессора была больше зарплаты рабочего в среднем в 22 раза; в 1804 г. — в 25 раз; в 1835 г. — в 45; в 1863 г. — в 15; в 1890 г. — в 18 раз; в 1912 г. — в 17. Можно привести и такой пример: рабочий день профессора ВСХИ стоил государству 14 р. 42 коп., рабочий день лаборанта того же института — 3 р. 85 коп., а сезонный сельскохозяйственный рабочий в Воронежской губернии зарабатывал (без коня, на своих харчах): на посеве — 65 коп. в день, на сенокосе — 80 коп., на уборке — 1 р. [31].

В среднем получается, что тяжелым физическим трудом (не менее 15 ч в день) можно было заработать 82 коп., в то время как высококвалифицированный интеллектуальный труд (а у тогдашнего профессора учебная нагрузка, как правило, не превышала 1 астрономического часа в день) стоил в 17-18 раз дороже, и даже труд институтского лаборанта по сравнению с крестьянским ценился выше в 4,7 раза. Сказанное, впрочем, отнюдь не означает, что физический труд ценился недопустимо низко (на 82 коп. можно было купить 79 кг картофеля или 3 кг говядины), приведенные цифры свидетельствуют о другом: интеллектуальный труд ценился гораздо выше физического.

Но, как известно, подобную систему ценностей в дореволюционной России разделяли далеко не все. Спустя несколько лет страна была ввергнута в хаос войн и революций, результатом которых стал новый социально-политический строй — с приоритетом труда физического над умственным. Этот весьма своеобразный феномен нашел отражение и в сфере оплаты: в начале 20-х гг. содержание профессоров и преподавателей вузов составляло лишь 1/5 от дореволюционного, и только к концу нэпа повысилось до 40% к дореволюционному уровню. Профессор в это время получал в 4 раза больше индустриального рабочего [32], что, как вскоре выяснилось, было еще сравнительно неплохо, так как с началом «большого скачка» (конец 20-х — начало 30-х гг.) ситуация резко ухудшилась. В 1930 г. размеры зарплаты рабочих в стране «диктатуры пролетариата» варьировали от 30 до 180 р., а пуд муки на рынке стоил 20-30 р., килограмм мяса — 9 р., литр молока — 1 р., килограмм масла — 7 р., десяток яиц — 2 р. В кооперативной торговле уровень цен был в несколько раз ниже, но здесь товары отпускались по нормам:

300-600 г хлеба, 100-200 г мяса и т.д. на человека, а зачастую и вовсе отсутствовали. Когда в 1931 г. была введена карточная система, профессора и доценты вузов стали снабжаться по нормам индустриальных рабочих. Профессора, прикрепленные к закрытым столовым, получали академический паек (5 кг мяса; 7,5 кг рыбы; 600 г. коровьего масла; 5 яиц на человека в месяц), который, конечно же, был куда более скромным, чем у «элиты». Так, спецпаек для Дома правительства (литера «А») в 1932 г. состоял из 4 кг мяса; 4 кг колбасы; 1,5 кг сливочного масла; 2 л растительного; 6 кг свежей рыбы; 2 кг сельди; 3 кг сахара; 3 кг муки; 800 г хлеба (в день); 3 кг круп; 8 банок консервов; 20 яиц; 2 кг сыра; 1 кг кетовой икры; 50 г чая; 1 л молока. Однако каким безысходным нищенством (причем созданным искусственно) отдает вся эта пайковая система — за два десятка лет до этого не только профессор, но и лаборант мог купить на свое жалование продуктов в несколько раз больше (а главное, свободно)!

В закрытых распределителях для индустриальных рабочих, по нормам которых снабжались отныне и профессора, товары отпускались по искусственно заниженным ценам: килограмм пшеничной муки, например, продавался за 25-28 коп., в то время как на рынке он стоил 3-4 р., цена килограмма мяса составляла, соответственно 1,47-2,12 и 6-10 р.; рыбы — 1,23-1,37 и 4-5 р.; молока — 0,42-0,48 и 2 р. и т.д. Таким образом, советский рабочий со средней зарплатой в 125 р. (1933 г.) мог купить на рынке (или — или): 15 кг мяса; 28 кг рыбы; 6 кг масла; 10 кг сахара; 90 яиц. А на рынок идти приходилось: в распределителях все товары отпускались по строго контролируемым нормам; даже когда в 1935 г. карточная система была отменена, немедленно установили нормы отпуска товаров в одни руки — не более 2 кг мяса, колбасы, хлеба, макарон, крупы, сахара, 3 кг рыбы, 500 г масла, 100 г чая [33].

Оставим, однако, все эти пайково-карточные нормативы и обратимся к эпохе сравнительного благополучия советской социально-экономической системы. В течение тридцатилетнего периода с 1961 по 1991 г. размер профессорской зарплаты был неизменным и равнялся 500 р. («грязными»); в то же время зарплата индустриальных рабочих постоянно росла и к середине 80-х гг. достигла 200 р. [34]. Таким образом, труд профессора оплачивался теперь только в 2,5

раза выше, чем труд индустриального рабочего. В то же время трудиться приходилось больше — учебная нагрузка по сравнению с дореволюционными временами значительно возросла. По Типовому положению о порядке планирования учебной нагрузки профессорско-преподавательского состава, утвержденному приказом Минвуза СССР № 520 от 17.07.87, фактическая учебная нагрузка преподавателя должна была составлять от 450 до 1000 ч в год, включая не менее 150 ч аудиторных занятий (для профессоров и доцентов). (В этом отношении следует напомнить общеизвестный факт, что продолжительность трудовой недели в промышленности снизилась с дореволюционных 60-65 ч до 40 ч: рабочие стали работать примерно в полтора раза меньше.) О выходе на пенсию после 25-летней службы теперь не приходилось и мечтать. Кроме того, если дореволюционный профессор-пенсионер, кроме пенсии в размере оклада, мог продолжать занимать кафедру и получать полное жалование, то его советский коллега со сравнительно скромной пенсией мог вести преподавательскую работу только по срочному договору с оплатой, не превышающей 0,25 оклада по штатной должности, или с почасовой оплатой, которая вместе с пенсией не должна была превышать 350 р. (Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС № 329 от 13.03.87). Тем же постановлением (Приложение № 9) устанавливались и ставки почасовой оплаты труда: доктору наук, профессору за час занятий со студентами платили 7 р., а тем, кто не имел ученой степени и звания, — 4 р. Впрочем, до революции такие преподаватели вообще не допускались к кафедре: право на чтение лекций приобреталось лишь защитой магистерской диссертации. Что же касается иных форм учебной работы, то в 1912 г. старший ассистент, как мы видели, получал 1500 р., а профессор — 4500 р.: таким образом, труд профессора до революции оплачивался в 3 раза выше, чем труд преподавателя без степени и звания, теперь же — лишь в 1,75 раза (наглядный пример девальвации умственного труда в «государстве рабочих и крестьян»).

Впрочем, сравнения эти можно продолжать бесконечно и понятно, что различий будет больше, чем сходств. Однако наша задача — проанализировать материальное положение профессора и рабочего, сравнив их как между собой, так и с их дореволюционными предше-

ственниками. Для того чтобы определить покупательные способности того и другого, следует прежде всего вычесть из сумм их зарплат 13% (12% — подоходный налог и 1% — профсоюзные взносы; партвзносы учитывать не будем, хотя беспартийный профессор был явлением редким). Итак, профессор получал «чистыми» 435 р., рабочий — 174 р. Что можно было купить на эти деньги?

Цены в СССР в середине и второй половине 80-х гг. выглядели следующим образом: мука пшеничная стоила 41 коп. за кг; пшено — 26 коп.; рис — 80 коп.; хлеб — 20; молоко — 20 коп.; масло коровье — 3 р. 50 коп.; масло подсолнечное — 1 р. 20 коп.; говядина — 4 р. (цена рыночная: двухрублевою говядину в это время можно было увидеть только в столице); свинина — 3 р. 50 коп. (цена коопторга, по той же причине); яйца — 90 коп. (десяток), сыр — 3 р. 50 коп.; картофель — 12 коп.; капуста — 8 коп.; сахар — 84 коп.; кофе — 20 р.; чай — 7 р. 20 коп. Соответственно, на профессорскую зарплату можно было купить (или — или): муки пшеничной — 1061 кг; пшена — 1673 кг; риса — 544 кг; хлеба — 2175 кг; молока — 2175 кг; масла коровьего — 124 кг; масла подсолнечного — 362 кг; говядины — 109 кг; свинины — 124 кг; яиц — 4833 шт.; сыра — 124 кг; картофеля — 3625 кг; капусты — 5437 кг; сахара — 518 кг; кофе — 22 кг; чая — 60 кг. В свою очередь, рабочий на свою зарплату мог приобрести (или — или): муки пшеничной — 424 кг; пшена — 669 кг; риса — 217 кг; хлеба — 870 кг; молока — 870 кг; масла коровьего — 50 кг; масла подсолнечного — 145 кг; говядины — 43 кг; свинины — 50 кг; яиц — 1933 шт.; сыра — 50 кг; картофеля — 1450 кг; капусты — 2175 кг; сахара — 207 кг; кофе — 8 кг; чая — 24 кг.

Конечно, закупить разом на всю зарплату тонну муки или центнер мяса было нельзя, так как существовали нормы отпуска товаров в одни руки, но при желании — все-таки можно. Приняв это условие, попробуем сравнить покупательную способность советского профессора с покупательной способностью его предшественника, жившего в 1890 г. (для некоторых товаров, цены на которые для 1890 г. отсутствуют, воспользуемся соотношением зарплата/цена по другим ближайшим из рассмотренных нами периодов).

Итак, советский профессор мог купить меньше пшеничной муки в 2,1 раза; пшена — в 2,3 раза; риса — в 2; хлеба — в 3,5; масла сливочного — в 2,8 раза; масла подсолнечного — в 2,7; говядины — в 11,3; свинины — в 8,2; яиц — в 2,3 раза; сыра — в 5,8 раза; картофеля — в 13 раз; сахара-песка — в 1,8 раза; кофе — в 9 раз; чая — в 1,2 раза. Если взять всю эту

продуктовую корзину в целом, то получается, что его покупательная способность уступала покупательной способности дореволюционного коллеги в 4,9 раза.

Теперь посмотрим на рабочих (для сравнения берем цены и зарплаты 1890 г., иногда — по ближайшим периодам). Итак, советский рабочий по сравнению со своим дореволюционным предшественником мог купить муки пшеничной больше в 3,7 раза, пшена — в 3,4 раза; риса — в 6,4; хлеба — в 1,5; масла коровьего — в 2,8; масла подсолнечного — в 2,9 раза. Однако, например, говядины — в 1,5 раза меньше, свинины — на столько же, картофеля — 1,8 раза, кофе — в 1,2 раза. Таким образом, покупательная способность советского рабочего превосходила покупательную способность дореволюционного в 2,4 раза, из чего следует, что спустя 70 лет после революции рабочие действительно стали жить лучше (в данном случае мы имеем в виду только продуктовую корзину), а профессора хуже — в 4,9 раза. Профессорская зарплата по отношению к зарплате рабочего за советский период (по сравнению с дореволюционным) уменьшилась в пропорциональном отношении в 6,8-7,2 раза, по покупательной способности — в 11,8 раза: таким оказался итог политики партии и правительства на «сближение умственного труда с физическим».

Ну а как обстоят дела сегодня, дюжину лет спустя после падения Советского Союза и начала развития «рыночных отношений»? Если учебная нагрузка преподавателя советского вуза реально составляла 600-700 ч, а у профессора, заведующего кафедрой была на уровне 400-600 ч, то теперь у преподавателя она составляет в среднем 850-950 ч, а у профессора — 700. Однако это — лишь вершина айсберга, так как смехотворные размеры заработной платы вынуждают как минимум каждого второго преподавателя работать по совместительству, и для того чтобы заработать 1,5-2 ставки, приходится отрабатывать 1300-1700 ч (нередко и больше); а профессору на полторы ставки — 1000-1200 ч. Во времена Александра I, как мы помним, профессора вели занятия по 3-4 ч в неделю, при Николае I — по 8 ч, в советские времена — по 12-14 ч, сегодня же — по 17-21 ч (без совместительства; а у работающих на полторы ставки учебная нагрузка может достигать 30 ч и более).

В новой демократической России профессора, таким образом, работать стали больше, чем в советские времена, не говоря уже о дореволюционных (наверное, профессор на-

чала XIX в. не поверил бы, если бы ему сказали, что через два столетия его коллегам придется трудиться ровно в 10 раз больше).

Как же оплачивается этот труд? Сегодня доктор наук, профессор получает за должность, степень и звание 4640 р. «грязными», т.е. 4037 р. «чистыми». По данным Госкомстата среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в России на март 2003 г. составляет 5124 р., средняя зарплата в промышленности (на февраль 2003 г.) — 5736 р. (для сравнения: средняя зарплата в сфере образования — 2969 р.). Итак, среднюю «чистую» зарплату индустриального рабочего можно определить в 4987 р., что на 24%, т.е. практически на одну четверть, выше заработной платы профессора. Таким образом, если советский профессор получал в 2,5 раза больше рабочего, то российский — на 1/4 меньше. Значит, по отношению к зарплате рабочего современный российский профессор (в 2003 г.) получает в 2,7–2,8 раза меньше, чем в 1988 г., и в 21–22 раза меньше, чем до революции (в 1912 г.).

А теперь посмотрим, что могут купить на свои деньги сегодняшние профессор и рабочий. Для этого расчета взяты средние цены за январь–март 2003 г. в Воронеже: мука пшеничная — 7 р. за килограмм; хлеб — 6 р. 90 коп.; пшено — 8 р.; гречка — 12 р.; рис — 13 р.; молоко — 8 р.; масло коровье — 70 р.; масло подсолнечное — 24 р.; сыр — 108 р.; говядина — 100 р.; свинина — 115 р.; яйца — 15 р. (десяток); картофель — 12 р.; капуста — 20 р.; сахар — 18 р.; кофе — 200 р.; чай — 180 р. Соответственно, профессор на свою зарплату может купить (или — или): муки пшеничной — 577 кг; хлеба — 585 кг; пшеница — 505 кг; гречки — 336 кг; риса — 311 кг; молока — 505 кг; масла коровьего — 58 кг; подсолнечного — 168 кг; сыра — 37 кг; говядины — 40 кг; свинины — 35 кг; яиц — 2692 шт.; картофеля — 336 кг; капусты — 202 кг; сахара — 224 кг; кофе — 20 кг; чая — 22 кг. Рабочий же на свою зарплату в

состоянии приобрести (или — или): муки пшеничной — 712 кг; хлеба — 723 кг; пшеница — 623 кг; гречки — 416 кг; риса — 384 кг; молока — 623 кг; масла коровьего — 71 кг; подсолнечного — 208 кг; сыра — 46 кг; говядины — 50 кг; свинины — 43 кг; яиц — 3325 шт.; картофеля — 416 кг; капусты — 249 кг; сахара — 277 кг; кофе — 25 кг; чая — 28 кг.

Получается, что за время «демократических реформ» покупательная способность профессора снизилась по сравнению с концом советского периода в 4,6 раза.

Если же за точку отсчета взять конец XIX в. (1890 г.), нетрудно прийти к выводу, что за советский период и «период демократических преобразований» покупательная способность профессорской зарплаты снизилась в 19,4 раза. Что же касается рабочего, то за полтора десятка лет его покупательная способность снизилась в 1,7 раза.

В конечном счете получается следующее: соотношение покупательной способности зарплаты профессора по сравнению с покупательной способностью зарплаты рабочего в современной России меньше, чем в дореволюционной, в 31 раз.

Конечно, профессора до революции получали очень много, а рабочие — слишком мало. Советская власть исправила эту ситуацию, однако не столько за счет повышения реальной заработной платы рабочего, сколько за счет снижения реальной заработной платы профессора (что становится особенно очевидным, если принять во внимание тот факт, что объем рабочего времени, т.е. количество труда, у рабочих уменьшился в полтора раза, а у вузовских преподавателей, в т.ч. профессоров, во столько же раз увеличился). Но очевидно и другое: ситуацию сегодняшнюю иначе, как абсурдной, не назовешь. Как же государство — в лице правительства — намерено ее исправлять и намерено ли вообще?

С 1 октября 2003 г. система оплаты труда

работников бюджетного сектора должна быть реформирована. Однако подготовленная Министерством образования концепция отраслевой оплаты труда никаких иных чувств, кроме удивления и сожаления, не вызывает. Прежде всего представляются недопустимо низкими коэффициенты, регулирующие размер оплаты труда в зависимости от уровня образования, квалификации и занимаемой должности. Так, низшая из всех возможных преподавательских ставок (ставка школьного учителя со средним профессиональным образованием без стажа, квалификационной категории и разного рода надбавок) равна 1340 р., а высшая из всех ставок профессорско-преподавательского состава (ставка декана со стажем более 20 лет) — 4745 р. (без надбавки за степень, которой, по данному проекту, для занятия должности декана не требуется), т.е. в 3,5 раза выше. В середине XIX в., как мы видели, декан университета получал 6000 р. в год, а учитель рисования в уездном училище — 200, т.е. максимальная ставка педагога превосходила минимальную в 30 раз. Если не забираться так далеко в историю и взглянуть на ситуацию накануне Первой мировой войны, то учитель начальной школы по закону от 3 мая 1908 г. получал 360 р. годовых [35], а тот же профессор Воронежского СХИ по штату 1912 г. — 4500 р., т.е. в 12,5 раза больше.

Просто смехотворными выглядят и стажевые коэффициенты: профессор со стажем до 3 лет должен будет получать 3735 р., а профессор со стажем свыше 20 — 4250 р., т.е. на 13,8% больше. У того же школьного учителя со средним профессиональным образованием соответствующие цифры выглядят так: 1780 и 1340 р., т.е. на 32,8% больше (для примера: в дореволюционной гимназии, по Положению 1871 г., только что принятый на работу учитель получал 750 р., через 5 лет его оклад увеличивался до 900, а затем, в зависимости от квалификации, стажа и наличия вакансий, жалование последовательно возрастало до 1250 и 1500 р. [36], т.е. максимальный стаж обеспечивал, по сравнению с минимальным, двойной оклад).

Наконец, самое печальное — собственно размеры зарплаты. Оклад профессора кафедры с максимальным стажем будет составлять 4250 р., вместе с надбавкой за степень — 5750 р., т.е. «чистыми» — 5002 р. (без учета профес-

сионных взносов), что почти на 1000 р. больше, чем сегодня. Ну а о том, какова ситуация сегодняшнего дня, сказано, думается, достаточно. Фактически с 1 октября 2003 г. профессору будут начислять зарплату, равную средней зарплате в промышленности, — но на февраль 2003 г. (5736 р.), а за эти полгода инфляция уменьшит ее реальный размер еще на 7-8% (если не на все 10).

Таким образом, правительством взят курс на стабилизацию профессорской нищеты (что уж говорить о доцентах, старших преподавателях и ассистентах!). Если бы оно вознамерилось вернуть вузовским преподавателям советский уровень заработной платы, профессор сегодня должен был бы получать в 2,5 раза больше, т.е. 11-12 тыс. р., а если иметь в виду покупательную способность, зарплату следовало бы увеличить в 4-5 раз, т.е. до 18-23 тыс. р. Если же повысить — хотя бы мысленно — профессорскую зарплату до дореволюционного уровня, размер ее должен составлять около 100 тыс. р., т.е. около 40 тыс. дол. в год — примерно столько и получают профессора (учебная нагрузка которых равняется в среднем 240 ч!) в не самых богатых европейских странах.

Однако представляется, что ничего подобного нас не ожидает. Почему это так — проблема отдельная, требующая отдельного же анализа. Но даже не устанавливая причину, можно с абсолютной очевидностью предвидеть результат: государство, которое таким образом относится к поддержанию и воспроизводству собственного интеллектуального потенциала, в современном высокотехнологичном мире нежизнеспособно: не выдержав конкуренции со стороны других держав, оно будет уничтожено. Сказанное — не апокалиптическое пророчество, а прогноз на среднесрочную перспективу. Если учесть современную социально-экономическую и военно-политическую обстановку в мире, историческое банкротство России есть дело ближайших двух, трех, пяти десятилетий. К этому неутешительному прогнозу можно добавить только одно: «да минует нас чаша сия».

Литература

1. Беспятовых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. — С.-Пб., 1997. — С. 179; Перевороты и войны. — М., 1997. — С. 256; Хотеев П.И. Книга в России в середине XVIII в. Частные книжные собрания. — Л., 1989. — С. 52.
2. Очерки истории Ленинграда. Т. 1. Период феодализма

- (1703-1861 гг.). — М.-Л., 1955. — С. 66, 70; Семенов А. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. — Л., 1974. — С. 131-158.
3. Яблочков М. История дворянского сословия в России. — С.-Пб., 1876. — С. 477.
4. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. 1802-1825. — С.-Пб., 1864. — Стб. 215-219, 264-301; Штаты и Приложения, с. 3, 12; История рабочих Ленинграда. Т. I. — Л., 1972. — С. 102; Китанина Т.М. Рабочие Петербурга в 1800-1861 гг. — Л., 1981. — С. 209.
5. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Т. I. — Пг., 1923. — С. 107; История рабочих Ленинграда... — С. 107; Семенов А. Указ. соч. — С. 503.
6. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. II. Отд. I. 1825-1839. — С.-Пб., 1864. — Стб. 756.
7. Там же: Штаты и Приложения, с. 35; Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. — Л., 1991. — С. 124.
8. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. II. Отд. I. — Стб. 764.
9. Там же, стб. 765.
10. Там же.
11. Там же, стб. 766.
12. Там же, Штаты и Приложения, с. 29.
13. Там же, с. 36.
14. Миронов Б.Н. Хлебные цены в России за два столетия (XVIII-XIX вв.). — Л., 1985. — С. 37.
15. Материалы для статистики Российской империи. — С.-Пб., 1841; Приложение № I.
16. Семенов А. Указ. соч. — С. 504.
17. История рабочих Ленинграда... — С. 107; Китанина Т.М. Указ. соч. — С. 226.
18. Материалы для статистики Российской империи. — С. 69-79.
19. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. — М., 1971. — С. 184.
20. Пажитнов К.А. Указ. соч. — С. 119.
21. Пажитнов К.А. Указ. соч. — С. 117; Сборник статистических сведений по Московской губернии на 1869 год. — М., 1869. — С. 68-71.
22. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года. — М., 1995. — С. 106; Лейкина-Свирская В.Р. Указ. соч. — С. 186; Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. — М., 1981. — С. 99.
23. Чиненный С. По погонам и оклад // Родина. — 2002. — № 2. — С. 52.
24. Кириянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX в.). — М., 1979. — С. 101.
25. Свод товарных цен на главных рынках России за 1890-1895 годы. — С.-Пб., 1896.
26. Свод товарных цен на главных русских и иностранных рынках за 1912 год. — С.-Пб., 1913; Статистический ежегодник на 1913 год. — С.-Пб., 1913. — С. 546, 552, 568.
27. Кириянов Ю.И. Указ. соч. — С. 104.
28. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 годах. — С. 99.
29. Отчет о состоянии Воронежского Сельскохозяйственного Института Императора Петра I за 1913 год // Записки Сельскохозяйственного Института Императора Петра I в Воронеже. Т. I. — М., 1916.
30. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год пятый. — С.-Пб., 1912. — С. 440-471.
31. Там же, с. 476.
32. Кирилов С. О судьбах «образованного сословия» в России // Новый мир. — 1995. — № 8. — С. 156.
33. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. — М., 1997. — С. 78, 95, 112, 128, 129, 187, 255.
34. Синельников-Мурылев С. Бюджетный кризис в России: 1985-1995 годы. — М., 1995.
35. Всеобщее обучение и земство. — С.-Пб., 1910. — С. 178.
36. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.V. 1871-1873. — С.-Пб., 1877. — Стб. 373-375.

